

ОСЕННИЕ ИТОГИ.

Лето и осень самодержавие посвятило судебным расправам со своими политическими врагами. Шесть процессов против виновников террористических покушений Балашова, Лежнев, Чепенин, Катуч, Буртин и Лукин, три процесса против участников рабочих беззастенчивых (Батум, Сулиг Донской обл. и д.о. о волнениях на Залоговской фабрике в Тери), беззастенчивое количество процессов против южных крестьян и, наконец, — три судебных дела о политических демонстрациях. Давно уже самодержавие "правосудие" не работало с такой интенсивностью.

И давно уже это "правосудие" не оказывало такой услуги революционному делу развешивания всех "святых" современности политического строя. Буржуазные идеологи по своему праву, видя в угнетении их судебным учреждением страны залог устойчивости общественного порядка. Массы населения готовы только простить своим правителям, если вбрызнуть в "беззастенчивость" и законный образ действий суда — ханжества закона. И, доистинно, беззастенчивое положение той политической системы, которая для своего поддержания вынуждена неустойчиво развешивать свое собственное "правосудие", принимая его для своих полицейских действий.

Новое "политическое" выступление российской юстиции ознаменовалось рядом скандалов для самодержавия. Приговорение к смерти несовершеннолетнего Балашова, окруженного ореолом всеобщего сочувствия; приговорение к смерти Лежнев, который нанес легкую рану Фоме-Валу; приговорение к смерти Катуч, который вовсе промолчал; 20 лет каторги для Чепенина, несчастного юноши, который, изгладившись, вздумал "убить" кого-нибудь из представителей буржуазии и напал на оставшего генерала с тупым перочинным ножиком, не повредившим и генеральной шинели... Эти скандальные приговоры ставили дополнением скандальное поведение суда в харьковских крестьянских процессах, где с пиететической открытостью запрещалось защитникам расширять свидетелей о подвигах их Оболонского при "ужимении" обвиняемых крестьян. Знаменитые протесты адвокатов впервые закрепились публично этипнизацией последних в поправку закона российских чиновников от правосудия. Этот шаг, который давно пора было сделать представителям адвокатов, не должен остаться безгласным для дела освобождения России от царской нации азиатчины. Дело чести всех, выступающих защитниками в процессах, где фактически преступники являются правительством, будет следовать примеру харьковских защитников, и на каждое насилие над правыми отвечать презрительным протестом. Это, по нынешним временам, единственно возможный для адвокатуры способ служить делу действительного правосудия, делу освобождения суда от властной опеки самодержавной бюрократии.

Если крестьянские процессы разоблачили лишний раз характер судебного судства в процессах, устраиваемых против "внутренних врагов" самодержавия, то процессы против саратовских и нижегородских демонстрантов показали всю жестокость русских карательных законов. Хотя суд и пригласил одну из нихших ибры наказания, тем не менее более десяти мирных демонстрантов оказались приговоренными к лишению всех прав и ссылке на поселение в отдаленная места Сибири. Только современный российский режим, бесстыдно пародирующий своей свободой от европейских "предрассудков", может еще выносить такие приговоры. Дело, которое по европейским понятиям, является неотъемлемым правом гражданина — коллективное выражение своего политического мнения, по русским условиям немислимо иначе, как сорбировать на улицах, — это явление карается лишением гражданства, прав и безорочной ссылкой, наряду с всеми тяжкими уголовными преступлениями! Двадцать лет для правительства остерелось прибить эти варварские законы о политических "преступлениях", законы, позволяющие пригнать каторгу и высылку за дѣла, которые по ту сторону Беркובה во всем цивилизованном мире признаются законным делом или, в худшем случае, причисляются к мелким полицейским проступкам. Почти двадцать лет правительство, посредством широкого пригнания административной ссылки и административного тюремного заключения, уклонялось от необходимости каждому "законным" правонарушителю внятно внятно идею: если ты, во всем цивилизованном мире совершаешь безразлично, у нас карается самими тяжкими уголовными карами, — стало быть, наши политический режим нигде не годен. И такана ирония судьбы: — в то именно момент, когда широкая масса обывателей впервые проснулась к политической жизни, когда всякое явление государственной власти весьма чувствительно воспринимается недавно еще равнодушной частью населения, — именно в такую минуту самодержавие сипит живым пригнать напоминать обывателю об азиатском характере своих карательных законов.

Вряд ли ибры серьезно в устранили силу пригнать на поселение и на каторгу, самодержавие, чтобы только поразить политическую силу власти, доставляет своим врагам случай из новой демонстрации — из демонстрации со скандалом подслушания. И новое его революционные враги — социалдемократы — не преминули уже воспользоваться этим новым поводом.

Показавши себя в тог судьи, самодержавие сипит начать зимний сезон в исполненной роли палача. 11 ноября в Ростов н. Д., а 17 в станции Тихорецкой оно снова выступило в наиболее современном из доступных ему положений — в качестве наемного убийцы на службе у капитала.

Послѣ Ярославля — Домбро, послѣ Риги — Мариуполь, послѣ бойни на Выборской сторонѣ въ СПб. — сильѣйша — на Шинельбургском трактѣ; и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Батумскихъ расстрѣловъ — на протяжении одной недѣли два новыхъ преступленія во славу божка капитала.

Громкая по размаху, замѣчательная по выдержкѣ рабочая, исключительная-удачная въ смыслѣ организованности участниковъ, руководимыхъ напистъ Донскимъ Комитетомъ и безпримѣрная по рѣшительности господствовавшей въ ней политической настроенности, — стачка ростовскихъ рабочихъ какъ нельзя лучше открываетъ боевую кампанию социалдемократіи въ текущемъ году и — слѣдуетъ надѣяться — явится лишнимъ яркимъ доказательствомъ того, что единственно серьезнымъ революционнымъ дѣломъ въ наше время является дѣло организации такъ быстро развивающагося, такъ блестяще доказывающаго свою революционную вѣрность русскаго пролетариата.

Почти десять лѣтъ назадъ, зимой 1893-94 г., жел.-дор. рабоче мастеровскихъ Ростовско-Владикавказъ ж. д. ушло по революционной стачкой обратили на себя вниманіе революционеров, которые въ то время въ своей массѣ еще не выяснили себѣ всего значенія начинающагося рабочаго движенія. Ростовская стачка 1893-94 г. была первымъ, сколько намъ извѣстно, крупнымъ проявленіемъ массоваго рабочаго движенія 90-хъ гг., руководимаго социалистами (въ числѣ многоименныхъ имѣлъ въ числѣ, между прочимъ, извѣстныхъ Мессеню — бывшаго организаторъ знаменитой Морозовской стачки, сосланный по ростовскому дѣлу въ третій разъ на три года). Послѣ этой стачки правительственная работа въ Ростовѣ н. Д. временно образовалась, и лишь съ 1898 г. подъ руководствомъ Донскаго Комитета она ведется систематически и все съ болѣющимъ успѣхомъ. Въ ноябрьскихъ событіяхъ съ ихъ громадными рабочими "митингами" и впечатлѣніемъ, произведеннымъ ими на общество, — мѣстные товарищи могутъ видѣть достойный результатъ своихъ усилій.

На эту дисциплинированную, сознательную и стойкую массу правительство выпустило своихъ яничаровъ. Само правительственное сообщеніе, въ сущности, признаетъ, что бояня вызвана казакими, что стремленіе властей разогнать споконны сходъ рабочихъ явилось причиной столкновенія, въ результатъ котораго нѣсколько человекъ убито. То же сообщеніе признаетъ, что и столкновенье на Тихорецкой провинциально казакими. Новые расстрѣлы стачечниковъ-рабочихъ являются новой краснорѣчивой иллюстраціей къ такъ наз. "дубовской" политикѣ. Вчерашние поощрители "экономической борьбы" въ Москвѣ выступаютъ сегодня въ роли вулгарныхъ охранителей капиталистическихъ барьеровъ, когда эта "экономическая" борьба организована самими рабочими, безъ участія шпioneвъ, "легализаторовъ". Только вчера г. Битте свидѣтельствовалъ о чудовищной несправедливости вымѣстителя правительственныхъ властей въ столкновенья труда съ капиталомъ. И уже сегодня правительство разоблачаетъ личность всѣхъ этихъ разогнанныхъ и шесту всякой политики напистъ самодержавия, ищетъ рабочему классу доверье въ монархіи. Работайте же дальше въ этомъ направленіи, господа! Пролетарія въ честномъ бою пролетарскаго крови не проадеетъ даромъ и въ предстоящемъ рѣшительномъ столкновеньи монархія съ народомъ первая встрѣтитъ въ рядахъ своихъ враговъ такую силу, пердъ которой окажутся одинаково безслышными и "тердая рука" г. Плеве и живая рука г. Битте.

На яркой сценѣ классовой пролетарской борьбы съ особенной рельефностью выступаетъ паразитная сѣрость того политическаго движенія "социальныхъ" круговъ общества, центромъ котораго являются уздѣные и губерние "комитеты Особаго Совѣщанія". Выразившаяся въ этихъ комитетахъ земская оппозиція пришла въ настоящее время къ тому пункту, за которымъ дѣйствительная игра въ "лояльность" становится невозможной. На первые разговоры о Земскомъ Соборѣ Плеве отбѣднѣвъ арестомъ и привлеченіемъ къ жандармскому дознанію представителей земства. И върне это умѣренное земской оппозиціи — "Особожденіе" — не замедлило тотчасъ же отразить на политическомъ возмущеніи, которое охватило "вѣроподданнѣ" либераловъ при слухѣ объ этомъ насиліи.

Права, г. Струве и на этотъ разъ старается во то бы то не стало остаться полны своихъ соуданіемъ либераловъ. Въ то время, какъ послѣдніе все опредѣленнѣе ставятъ вопросъ о несомѣстности "законности" съ существованіемъ самодержавія, г. Струве (№ 11 "Особов.") въ редакціонной запискѣ снова думсвенно повторяетъ, что требованіе созыва Земскаго Собора — не противорѣчитъ само по себѣ существующему государственному строю!"). Тѣмъ не менѣе, и г. Струве почувствовалъ въ фавдѣ жандармскаго набѣга на воронежскихъ либераловъ поводъ для болѣе рѣшительнаго нападенія на самодержавіе. Если, пишетъ онъ, правительство отвергнетъ требованіе о созывѣ Земскаго Собора, то клятвѣ: "долой самодержавіе!" неизбѣжно и окончательно станетъ всеобщимъ лозунгомъ національнаго освобожденія. Необычайнаго, конечно, нѣтъ ничего въ арестѣ г. Мартынова и въ обвиненіи его "въ умыселѣ измѣнить существующую форму правленія. Абсолютная идея "правъ", съ точки зрѣнія которой г. Струве не прочь "рааносить" "отностельность" нашихъ социалистическихъ идей, разувѣтитъ, оскорблена нынѣшнимъ проявленіемъ арестомъ г. Мар-

тныова несколько не въ болѣе ибры, тѣмъ она была поругана въ лицѣ хотя бы того же г. Мартынова, когда онъ (въ 80-хъ гг.) по социалистическому дѣлу былъ арестованъ и сосланъ безъ суда въ Сибирь. Вѣроломство, проявленное нынѣ правительствомъ по отношенію къ членамъ уздѣныхъ комитетовъ, которые приглашались высказаться о "нѣтъныхъ" нуждахъ и за открытое выраженіе своихъ нуждъ подвергались арестамъ, — это вѣроломство (съ точки зрѣнія идеи "правъ") ничуть не гнуснѣе того, которое проявлялось самодержавіемъ безчисленное множество разъ по отношенію къ делегатамъ, выбиравшимъ рабочихъ-стачечниками по приглашенію властей и потомъ подвергавшимся аресту по приказу тѣхъ же властей, или по отношенію къ выбиравшимъ по приглашенію начальства студенческимъ "старостамъ", когда послѣдніе, въ первую голову" отправлялись въ Сибирь. "Поруганное и возмущенное чувство справедливости", о которомъ говоритъ г. Струве, какъ о стимулѣ къ началу "политическихъ дѣйствій", уже такъ давно пришло къ подобнымъ заушеніямъ и ослепленіямъ, что видѣло само по себѣ можетъ побудить "дѣйствіемъ" оппозицію къ чему-нибудь, напоминающему "политическія дѣйствія". Есть нѣчто другое въ воронежскихъ событіяхъ, что можетъ и должно расшевелить земскую оппозицію, — это явное свидѣтельство растерянности самодержавнаго правительства, полной его неспособностью расчитать заранѣе результаты своихъ дѣйствій, рѣшительнаго и окончательнаго банкротства обычныхъ методовъ его политики.

Созмъ мѣстныхъ комитетовъ, мѣтъ совершенно опредѣленнаго и яснаго нѣтъ — отвлечь вниманіе болѣе "социальныхъ" круговъ общества отъ все сильнѣе разгорающейся борьбы болѣе радикальныхъ слоевъ его съ самодержавіемъ. На первые робкіе шаги земствъ, намѣщая на возможность ихъ присоединенія къ общему лозунгу: "долой самодержавіе!", правительство отбѣдало приглашеніемъ "сѣтъ рядкомъ и потопавать ладкомъ" о "мѣстныхъ полахъ и нуждахъ". Спекулируя на "умѣренности" и "древности" земскихъ дѣятелей, правительство рассчитывало потопить ихъ растущее возмущеніе въ горахъ комиссионныхъ докладовъ и игровъ въ парламентъ заплѣть ихъ въ то время, пока на улицахъ и въ застѣнкахъ будетъ гомѣ Плеве совершаться расправа съ гирей революціи. Планъ былъ самъ по себѣ неуряди, и инциденты съ г. Шинельви и Евренновымъ показали, что самодержавіе хорошо изучило русскаго либерала. Но самодержавіе не могло расчитать одного фактора — той скорости, съ которой прогрессируетъ его собственное разложенье. Планъ г. Плеве самъ по себѣ былъ остроуменъ, но отъ своего успѣха предпологалъ сильную дозу самообладанія со стороны его авторовъ. Надо было — до поры, до времени — открыть шлюзы для либеральныхъ словопроизводителей. Увы! въ виду колоссальнаго развитія революціоннаго движенія это самообладаніе не могло имѣть мѣста. Приближающаяся гигантскими шагами русская революція не даетъ самодержавію "ни отгадки, ни срока" для приведенія въ дѣйствіе его легионерскихъ плановъ. И, забывая о всякой "государственной мудрости", оно бросается, очертя голову, въ политику приключеній, однимъ грубымъ ударомъ свола на нѣтъ плазы своей предшественной работы. Казалось бы, весь ходъ работъ въ мѣстныхъ комитетахъ долженъ былъ подготовить правительство къ тому моменту, когда будетъ сказано это ужасное слово "земской борьбы". Казалось бы, правительство сморгнѣть бы и раздаться тому, что это слово произносится либералами съ обычными оговорками о своей лояльности, съ проклятьемъ и осужденіемъ по адресу такъ-наз. "дички анархизма". Но самодержавіе уже не способно холодно разсчитывать. Оно способно только судорожно реагировать. И обрушиваясь всей силой полицейской репрессіи на мирныхъ либераловъ, открывшихъ ротъ, чтобы сказать первую бучку своей политической азуки, оно тѣмъ самымъ вынуждаетъ ихъ — во то бы то не стало — пойти дальше.

Въ этой растерянности правительства либералы должны найти силу отбѣднѣвъ отъ собственной своей "наследственной" растерянности. Въ борьбѣ между старой и новой Россіей мѣтъ никакихъ сантиментальныхъ соображеній. Сѣтъ врагъ и ученикъ нѣтъ слатъ, — самое время участить удары и увеличить ихъ силу. Не дождитесь, пока онъ найдетъ себѣ новую точку опоры, а нападать и нападать, чтобы каждамы мѣткимъ ударомъ увеличить сипѣніе его духа!

Требованіе земскаго собора должны, какъ справедливо указываетъ г. Струве, подхлестнуть всѣ уздѣные и губерние комитеты. Но этого мало. Арестомъ стоявшихъ на легальной почвѣ либераловъ правительство показало, какое призрачное значеніе имѣтъ при русскихъ условіяхъ сама легальность. Пусть же и либералы сиптаться разбить рамки легальности! Пусть не отторкаиваются по прежнему китайской стѣной отъ того "внѣзгальнаго" народнаго движенія, которое только и сдѣлало возможнымъ ихъ собственное выступленіе и которое вышло уже самодержавіе изъ его главныхъ позиций. И если земские комитеты уже превратились въ обвинительные намеры по дѣламъ о многочисленныхъ преступленіяхъ самодержавія, то пусть въ раздѣющихся тамъ обвинительныхъ рѣчахъ мы услышимъ, наконецъ, о тѣхъ злодѣяніяхъ, которые самодержавіемъ совершаются надъ рабочимъ классомъ, надъ крестьянскимъ массомъ, надъ революционнымъ студенчествомъ! Нельзя долѣе молчать объ этихъ злодѣяніяхъ, когда каждый день приноситъ новыя извѣстія о "маторныхъ" приговорахъ, о массовыхъ похоронахъ, о расстрѣлахъ безорочной толпы на улицахъ. Только разговоривъ открыто обо этихъ событіяхъ, либеральные земцы покажутъ, что они поднялись на высоту тѣхъ историческихъ задачъ, которая стоитъ передъ нами, серьезно работающими надъ освобожденіемъ нашей родины отъ позора самодержавія.

*) Подробная статья въ № 11 "Особов." г. Струве, напротивъ, резко высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ совмѣщенію самодержавія съ земскими собраниями. Оттого бы г. Струве не высказалъ въ редакціонной запискѣ свое отношеніе къ взглядамъ, равнающимъ болѣе радикальнымъ назъ его соуданіемъ? — Истину, г. Струве оставилъ въ долгу передъ читателями: въ приложеніи къ статьѣ земской оппозиціи въ № 7 "Особожденія" онъ общими высылками, не касаясь дѣла, сиптаетъ, что авторъ въ вопросѣ объ отношеніи между революціонной борьбой и отого обобщенія г. Струве все еще не вымыслилъ.

